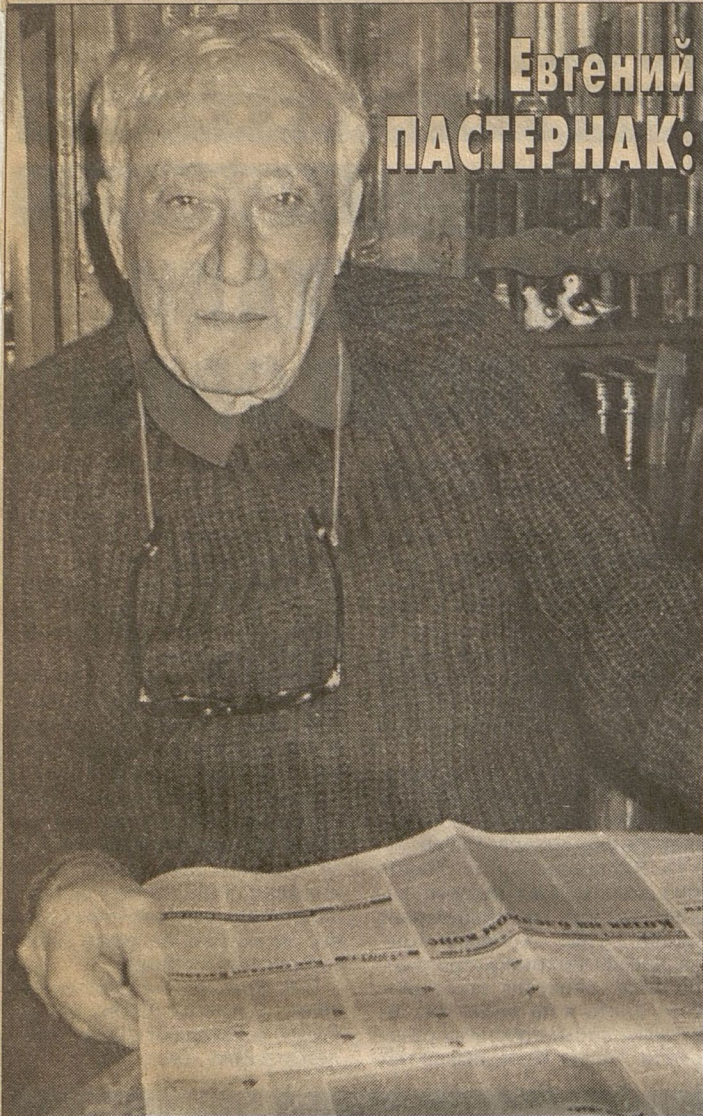

ВСТРЕЧА
ПАМЯТЬ

Сегодня день памяти Бориса Леонидовича Пастернака

в 8. Моск вг. - 2001 - 30 мая - с. 5.

Евгений
ПАСТЕРНАК:

Владимир НУЗОВ

— Евгений Борисович, 30 мая исполняется 41 год со дня смерти Бориса Леонидовича Пастернака. Вы помните те дни?

— Самым страшным был день 25 мая, когда у отца началось горловое кровотечение. День спустя на дачу привезли рентгеновский аппарат, и у отца обнаружили рак легкого с метастазами в сердце. Мы старались всеми силами продлить его жизнь, чтобы он смог увидеться с младшей сестрой Лидией, жившей в Лондоне и извещенной о смертельной болезни брата. Одновременно с вызовом ей мы с братом Леной послали телеграмму Хрущеву с просьбой о выдаче Лидии Леонидовне советской визы. Несколько дней она прождала этой визы в советском посольстве в Лондоне, но получила ее только в начале июня, прилетев в Москву уже после похорон Пастернака.

Отец не стало в 11.30 ночи 30 мая 1960 года. С тех пор вот уже 40 лет этот день является Днем памяти Пастернака, на его могиле собираются люди не только из Москвы и Подмосквы, но, бы-

вает, приезжают из дальних стран, из Японии, например. Читают его и свои стихи, возлагают цветы к могиле поэта... Меня никогда не оставляло чувство, что этот день стал большим событием в духовной жизни нашей страны. Тут господствует не ощущение смерти, а ощущение бессмертия и радости вечной жизни.

— Вы говорили как-то о полном собрании сочинений Пастернака, готовящемся Институтом мировой литературы, где вы работаете. Как продвигаются дела с подготовкой этого издания?

— Никак. Причина проста: нет денег. Ни одного тома из полного собрания сочинений не выпущено, перспектива совершенно неясная.

— Лет 5-6 назад мне посчастливилось видеть фрагменты фильма, снятого при жизни поэта. Кто-нибудь собрал все кинодокументы о вашем отце, попытался сделать пастернаковскую фильмотеку?

— Из всего, что сохранилось, сделано несколько документальных фильмов — русскими и финскими кинодокументалистами. Над этим работали также французские специалисты, в том числе дочь Ольги Всеволодовны

Я встретился с Евгением Борисовичем Пастернаком... Читатель уже, конечно, догадался, что речь идет о старшем сыне поэта Бориса Леонидовича Пастернака. Получив высшее техническое образование (он с отличием окончил Академию бронетанковых войск), Евгений Борисович защитил кандидатскую диссертацию, преподавал в МЭИ, пока не понял (этому, правда, помог случай), что его призвание — в другом.

Вот уже без малого тридцать лет Евгений Борисович занимается творчеством отца, став одним из самых тонких его исследователей. Подготовил к изданию несколько поэтических сборников Бориса Пастернака, написал биографию отца и книгу воспоминаний «Существования ткань сквозная...»

Ивинской — Ирина. Сохранилось большое количество фотографий, которые, будучи смонтированными талантливым режиссером в документальные кадры, позволят сделать еще один, а

то и два фильма о Пастернаке.

Должен рассказать, не дожидаясь вашего вопроса, об одном грядущем юбилее. 10 декабря нынешнего года исполняется 100 лет со дня вручения первой Нобелевской премии. В связи с этим Шведская академия и Нобелевский фонд создали Музей Нобелевской премии, где открылась выставка, посвященная 50 нобелевским лауреатам, среди которых четверо русских: академики Павлов и Капица, поэты Борис Пастернак и Иосиф Бродский. Издан замечательный каталог этой выставки. Шведы с нашей помощью отобрали большое количество материалов об отце для двух выставок: той, о которой я сказал, и ее копии, которая будет путешествовать по миру. Из Стокгольма она поедет в Токио, затем — в Соединенные Штаты и так далее. Кроме неподвижных материалов, на выставке представлен и документальный фильм о Пастернаке.

— С нетерпением будем ждать эту выставку в Москве. Коль скоро мы заговорили о Нобелевской премии Бориса Пастернака, вспомним, что он под давлением несправедливой силы отказался от премии в 1958 году, а много лет спустя, в 1989 году, вам в Стокгольме была вручена Нобелевская медаль и диплом нобелевского лауреата — Бориса Пастернака...

— Тогда, при вручении медали и диплома, непререкаемый секретарь Нобелевского комитета Сторе Аллен сказал, что актом вручения мне премии отца устанавливается, что отказ Пастернака был вынужденным. Точно такими же были отказы немецких ученых от этой премии во времена Гитлера — им просто грозили в случае принятия премии смертью.

— Где хранятся Нобелевские медаль и диплом Пастернака?

— Медаль хранится в Золотой кладовой Музея изобразительных искусств имени Пушкина, а диплом — в нашей семье. Медаль мы имеем право в любое время взять из музея, чтобы показывать ее на выставках.

— Каковы, на ваш взгляд, главные достоинства личности Пастернака?

— Когда-то мой отец сказал мне: «Если будешь обо мне писать, запомни одно: я никогда не был максималистом, был человеком реальным и делал то, что мог». И в письмах ко мне он писал, что, идя своей дорогой, постепенно, шаг за шагом, можно дойти до каких угодно высот. И не делать это рывками, нетерпеливо, тратя себя на какие-то демарши, на то, что называется бестактностью. Главным своим качеством, присущим, как он считал, и Шопену, и Блоку, было чувство земной уместности, потому что у художника жизнь переходит в искусство, в наследие духовной Вселенной. Это и было главной характеристикой моего отца. Самоотдача человека — вот основное для него. Он работал по 10 часов в сутки, а когда писал роман, то для заработка должен был еще и переводить Шекспира, Гете, грузинских поэтов. Одержимость работой и в то же время — терпение. Он не был бунтарем, он был человеком, максимально сосредоточенным на своем деле.

— К какому времени, Евгений Борисович, относятся ваши первые воспоминания об отце? Когда вы поняли, что он — выдающийся человек?

— Первые мои воспоминания относятся, вероятно, к 2-3 годам, когда у меня уже начало работать сознание. Яркими воспоминаниями отмечена и встреча с отцом в поэзии в Можайске. Он встречал нас, когда мы с мамой возвращались из поездки в Германию в 1926 году. Вообще ничего больше, чем мой отец, для меня никогда не существовало. Ответ на второй вопрос относится ко времени, когда он играл мне на рояле, и я через него начал понимать, что такое художник, что такое искусство. Речь идет о 6-7-летнем возрасте, накануне того, как в 1931 году они с мамой расстались. Для меня это было самым большим горем в жизни, я помню это до сих пор. Потом,

когда папочка приходил, для нас с мамой это был праздник — мы его ждали, встречали, пытались понять и успокоить, если он бывал чем-то огорчен.

— В связи с разводом родителей вы попали в типичную, довольно сложную, психологическую ситуацию. Как вы относились ко второй жене Пастернака — Зинаиде Николаевне? Как она относилась к вам?

— Начну с конца. Когда Борис Леонидович умер, мы с Аленушкой, моей женой, старались помогать Зинаиде Николаевне. Она поселила нас в маленьком домике рядом с большой дачей: не хо-

Пастернак отказался от Нобелевской премии потому, что Ольга Всеволодовна Ивинская сказала ему по телефону: «Тебе ничего не будет, а от меня костей не соберешь»

тела оставаться одна, и наше присутствие было ей приятно. Но, конечно, она относилась ко мне как к человеку из другой семьи, из другой обстановки. Это всегда оставалось. И моего отца огорчало то, что до войны я не хотел иметь дело с его второй семьей. Это полностью прошло после войны, когда я понял, что Зинаида Николаевна в 30-е годы, в сущности, спасла отца. Ради нее, ее спокойствия он не позволил себе того, что наверняка бы позволил без уважения к ее хозяйственности и трудолюбию. (Пастернак в 1937 году не пожелал ставить свою подпись под требованием писателей казнить Тухачевского и других военных. Тем не менее среди других его подписей в «Правде» появилась. Возмущению Пастернака не было предела, и только уговоры З. Н. заставили

его отказаться от гласного протеста против своей подписи, что действительно грозило ему прямой гибелью. — В. Н.).

— Позвольте спросить вас и о последней любви поэта — Ольге Ивинской, о ее напугавших воспоминаниях «В плену у времени».

— Дело в том, что эта поздняя любовь была бы очень короткой, если бы Ольгу Всеволодовну не закатали в первый раз в лагерь. То, что она пострадала, как Пастернак считал, из-за него, делало его уже обязанным по отношению к ней. Кроме того, в его пожилые годы ему всегда были дороги ласка, душевное тепло, он очень это ценил. Ивинская была перепугана своим первым арестом, и когда разразился политический скандал с «Доктором Живаго», она, желая спасти Пастернака, толкала его на такие поступки, которые сам бы он не совершил. Он не хотел отказываться от Нобелевской премии, подписывать составленные для него письма Хрущеву и в «Правду». Нельзя не учитывать той защиты, которую он получил тогда от всего просвещенного мира, — пропасть бы ему не дали. В сущности, тогда проигрывался вариант Солженицына: напугать сильно, чтоб другим неповедно было, но самое жестокое наказание, которое ему грозило, — не тюрьма, а высылка за пределы страны. Отца ведь тоже вызывал к себе Генеральный прокурор Руденко,

затевал дело о государственной измене. Обо всем этом вы читали. Пастернак отказался от Нобелевской премии потому, что Ольга Всеволодовна сказала ему по телефону: «Тебе ничего не будет, а от меня костей не соберешь». И тогда он пошел на телеграф и дал телеграмму об отказе от премии. Он бы выдержал эту осаду — не выдержала она.

— Пастернак помимо стихов сочинял музыку, занимался изобразительным искусством, знал четыре языка — гуманитарий чистой воды. Но меня поразило то, что он разорвался в теории относительности!

— Отец в юности учился в Московском университете философии, а в Марбургской школе, куда он поехал к профессору Гермину Когену, занимались философией науки, опиравшейся на новейшие достижения физики. Гораздо позднее, уже в пятидесятых годах, мой большой друг, профессор физики Михаил Львович Левин, готовил по моей просьбе брата Леньку к поступлению на физический факультет МГУ. И он записал в своих воспоминани-

ях разговоры с Пастернаком той поры. «Многие писатели, — вспоминает Левин, — деятели искусств спрашивали меня о физике, теории относительности — как о чем-то экзотическом. А Борис Пастернак разговаривал со мной о физике, стремясь разобраться в том, как устроен мир». То есть это был глубокий, мировоззренческий интерес.

— Евгений Борисович, а вы свою техническую, так сказать, юность вспоминаете когда-нибудь?

— Вспоминаю — и с радостью, хотя мои молодые годы проходили в тяжелое время. Я многое повидал, и то зло, которое шло в нашей стране тогда, по счастью, меня коснулось сравнительно мало. Больших лишений я не терпел, старался быть достойным своего отца и внимать тем заветам внутренней свободы и любви к людям, которые были основой его личности.

— А как все-таки произошел этот переход — от теории автоматического регулирования к поэзии?

— Это произошло не без помощи обстоятельств. Меня фактически из МЭИ выгнали — за то, что мы в «Шереметьево» провозжали семью Александра Исаевича Солженицына: жену, детей и мать жены, отбывавших для воссоединения с ним, ранее высланным из страны. Ждали самолета, крутом шныряли корреспонденты и сотрудники органов. Меня, конечно, засекли. И в институте потом предложили не подавать документы на конкурс для переизбрания на должность старшего преподавателя. И я, имея степень кандидата технических наук, пошел младшим научным сотрудником в Институт мировой литературы (ИМЛИ), чтобы заняться биографией собственного отца.

— Евгений Борисович, повторю свой вопрос трехлетней давности: какие стихи отца вам больше всего по душе? Тогда, помните, вы ответили, что все зависит от вашего состояния: на тот момент любимыми стихами были «Стихи из романа». Какие сейчас?

— Стихотворение «На Страстной». Оно связано с утром, с пробуждением жизни. Так что и на сей раз мои любимые стихи — стихи из романа «Доктор Живаго». Когда Пастернак переживал свои самые страшные последние годы, он говорил, что лишь через много лет станет ясно, какими силами направлялась его деятельность, как высоки были эти силы, ведущие его как художника. И хотя в России сейчас тревожно и страшно, время понимания, оценки поэта наступило. Отмеченное год назад 110-летие со дня рождения Пастернака несоизмеримо ни с чем по интересу к его творчеству и личности, по весу, по явному ощущению бессмертия, которое сопровождает его имя в России.